

Е.С. Генина

Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949–1953 гг.)

Ключевые слова: научно-педагогическая интеллигенция, космополитизм, идеология, Сибирь.

Keywords: scientific teaching intelligentsia, the struggle against cosmopolitanism, ideology, «cleaning», regressions.

Научно-педагогические работники явились представителями отечественной интеллигенции, по которым был нанесен значительный удар во время кампании по борьбе с космополитизмом в СССР. Поэтому закономерно, что ситуация в высших учебных заведениях регионов Сибири в 1949–1953 гг. уже получила освещение в историографии. Основные черты кампаний по борьбе с «низкопоклонством» и «космополитизмом» в вузах Западной Сибири обозначены в монографии С.Г. Сизова [1, с. 175–188]. Специфика борьбы с космополитизмом в вузах Восточной Сибири определена В.Н. Казариным [2, с. 144–149]. Воздействие идеологических кампаний первых послевоенных лет на научно-педагогическую интеллигенцию Томска рассмотрено в работе Т.В. Галкиной [3, с. 68–81], а также в коллективных изданиях по истории Томска и Томской области [4, с. 322–326; 5, с. 492–496]. Политика местных властей в отношении кадров вузов Алтая затронута в исследованиях Г.Н. Безрукова и С.М. Деминой [6, с. 219–220; 7, с. 356]. События кузбасского «дела врачей», связанного с преследованием сотрудников Сталинского государственного института усовершенствования врачей, воссозданы автором данной статьи [8, с. 66–82; 9, с. 17–25]. К судьбам сибирских историков в обозначенный период обратились Н.В. Кефнер, Л.Н. Рощевская, Д.М. Колеватов [10, с. 225–247; 11, с. 186–190; 12, с. 124–132]. Таким образом, к настоящему времени отсутствует исследование обобщающего характера, отражающее политику властей в отношении научно-педагогической интеллигенции Сибири и ее отдельных групп в 1949–1953 гг. Имеющиеся в нашем распоряжении документы центральных и местных архивов позволяют отразить полную картину происходившего в Сибири.

Официальным началом кампании по борьбе с космополитизмом стала публикация в газете «Правда» статьи «Об одной антипатриотической группе театральные критиков» 28 января 1949 г. В ней обличались И. Юзовский, А. Гурвич, А. Борщаговский, Л. Малюгин, Е. Холодов, Я. Варшавский, Г. Бояджиев. Названные критики обвинялись в дискредитации передовых произведений советской литературы и искусства, произведений патриотической и политической направленности. Эта «вредоносная» позиция объяв-

лялась совершенно недопустимой в условиях борьбы с космополитизмом и «буржуазными влияниями». Статья выступила против эстетства и формализма, в поддержку советского патриотизма [13]. Она послужила сигналом к непосредственному наступлению на отечественную интеллигенцию.

Первоначально в вузах Сибири последовало обсуждение новых идеологических установок, явившееся подготовкой к принятию решительных мер. 17 марта 1949 г. состоялось открытое партийное собрание в Новосибирском государственном педагогическом институте. Участники собрания, выразив одобрение начавшейся кампании, приняли решение о контроле за содержанием преподавания всех дисциплин, об усилении пропаганды советской литературы, изменении программ по литературе, «антикосмополитической» пропаганде. Вскоре на прошедшем 31 марта 1949 г. общем закрытом партсобрании коллектива речь шла уже и о проверке работы всех кафедр вуза, политической подготовке профессорско-преподавательского состава, работе со студентами с точки зрения борьбы с «враждебной идеологией». Особо ставилась задача «доведения до конца разоблачения элементов космополитизма в преподавании дисциплин» [14, л. 28–35, 36–39об.].

На мартовском открытом партсобрании историко-филологического факультета Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова говорилось не только о «рецидивах низкопоклонства» и «элементах космополитизма» в учебниках по литературе, но и о недостатках в преподавании. Так, на низком уровне велось преподавание западноевропейской литературы. Писатели из Западной Европы изображались «рыцарями без страха и упрека» [15].

В апреле 1949 г. в Иркутском университете последовал очередной шаг разгромной кампании. Прошедшее совместное заседание кафедр марксизма-ленинизма, истории СССР, всеобщей истории и логики сосредоточилось на теме «Борьба с космополитизмом в философии и истории». Участвовавшие в заседании историки придерживались линии, заданной центром. Они подвергли критике учебник Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», антипатриотическую позицию И.И. Минца. Выступивший доцент Л.А. Петров признал собственный недостаток, связанный с преувеличением влияния западноевропейской философии на взгляды известного деятеля бурятской культуры Д. Банзарова. В последовавшем решении отражена

необходимость соблюдения принципов партийности в науке, борьбы с космополитизмом, просмотра всей литературы на предмет «космополитических ошибок» [2, с. 145–146].

Во многом сходный сценарий обнаруживается в Томске. Присутствовавшие на партсобрании в Томском государственном университете в марте 1949 г. вели речь о необходимости усиления борьбы с буржуазной методологией, об обязанности преподавателей литературы участвовать в разоблачении критиков-«космополитов». Собрание подобного рода оказалось не единственным в вузе. В октябре 1949 г. в Томский обком ВКП (б) поступила информация о проведении общего собрания историко-филологического факультета. На нем выступил заведующий кафедрой литературы Н.Ф. Бабушкин, который сделал доклад «О борьбе с космополитизмом и формализмом в литературе и науке». Кроме того, состоялось объединенное открытое заседание исторических кафедр факультета, где подверглись критике «космополитические и буржуазно-объективистские» ошибки из учебных пособий и исторических работ [3, с. 77–78; 16].

Идеологическая кампания не миновала Омский медицинский институт. 22 марта 1949 г. на открытом партсобрании в вузе заслушали вопрос «О космополитизме и космополитах в науке, литературе и искусстве». Партийное бюро института обязали принять меры к разоблачению космополитизма и воспитанию советского патриотизма. Насущную тему следовало рассмотреть на ученом совете вуза, заседаниях кафедр, студенческих собраниях. Предполагалась критика не только используемых учебников, но и проверка всей научной продукции института. Научные работники и студенты должны были посетить лекции о достижениях отечественной науки и техники [17, л. 8–8об.].

Серьезным предупреждением научно-педагогической интеллигенции Сибири послужило сфабрикованное так называемое Красноярское дело, связанное с «сокрытием» месторождений урана в Красноярском крае. В марте–июне 1949 г. в Ленинграде, Москве, Красноярске, Томске и других городах были проведены аресты около 30 геологов, в том числе – ученых и преподавателей, крупных специалистов, работников Министерства геологии СССР. Репрессиям подверглись профессор и преподаватели университета и политехнического института в Томске: И.К. Баженов, А.Я. Булытников, М.И. Кучин, Н.Е. Мартынов, В.Д. Томашпольская, В.А. Хахлов, Ф.Н. Шахов. Их участь разделил преподаватель Иркутского горно-металлургического института Л.И. Шаманский.

Для проведения следствия арестованных этапировали в Москву, на Лубянку, где они находились в камерах-одиночках. Во время следствия к геологам применяли меры физического воздействия, что повлекло за собой признательные показания. Согласно приговору Особого совещания МГБ СССР от 28

октября 1950 г. геологам вменялись в вину неправильная оценка и заведомое сокрытие месторождений полезных ископаемых, вредительство, шпионаж, контрреволюционная агитация. Их приговорили к заключению в исправительно-трудовые лагеря (до 25 лет), с конфискацией имущества и поражением в правах на пять лет. Осужденных, получивших длительные сроки, направили на геологические объекты ГУЛАГа [18, с. 422–423, 426–427].

Начавшаяся кампания обусловила контроль за составом научно-педагогических работников и неизбежную в данном случае «чистку» кадров. Все проявления наступления на преподавателей отчетливо зафиксированы в Томске, где в рассматриваемое время располагалось пять вузов. Это Томский государственный университет, педагогический институт, политехнический институт, медицинский институт, электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта.

Роль катализатора в наступлении на кадры вузов города сыграло Постановление ЦК ВКП (б) «О работе Томского обкома ВКП (б)» от 30 января 1950 г. ЦК партии признал работу Томского обкома неудовлетворительной, в том числе и по причине несоответствующего подхода к проблемам вузов и техникумов, отсутствия должного внимания к научным кадрам [19, л. 6, 9]. В январе 1950 г. секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову поступила специальная записка, подготовленная инспектором ЦК М. Канунниковым. В документе отмечалось положение в вузах: «Особенно засорен чуждыми людьми преподавательский состав высших учебных заведений. Многие преподаватели состояли членами контрреволюционных политических партий, служили в армии Колчака, являются политически ссыльными, имеют репрессированных родственников за активную антисоветскую деятельность, поддерживают связь с заграницей. Таких лиц более 250 человек». В томских вузах получила распространение семейственность [20, л. 27–28, 30].

К тому времени обком партии располагал сведениями о наличии в вузах Томска лиц, скомпрометировавших себя подобным образом. Всего взяли на заметку на 1949/1950 учебный год 67 человек. В университете планировалось освободить от работы 9 человек и понизить в должности 7 человек, в политехническом институте освободить 12 человек, в медицинском институте – 8 человек и понизить в должности 5 человек, в педагогическом институте освободить 4 человека и понизить в должности 2 человека, в институте инженеров железнодорожного транспорта – освободить 18 человек и понизить в должности 2 человека. При этом не все из них имели недостатки в работе.

В отношении некоторых преподавателей прозвучали наиболее «актуальные» обвинения. Н.Н. Карташова, и.о. заведующей кафедрой высших растений

ТГУ, кандидат наук, доцент, «долгое время стояла... на позициях вейсманизма-морганизма». В лекциях Г.И. Преображенского, доцента кафедры эксплуатации подвижного состава транспортного института, «имело место преклонение перед буржуазной наукой». Д.Я. Перельман, кандидат наук, доцент кафедры ремонтных заводов этого же института, характеризовался так: «Космополит. Командирован Министерством в 1949 году». Если Н.Н. Карташову должны были понизить в должности, то ее коллег следовало уволить. Были подготовлены и сведения, отражающие «факты семейственности» в вузах Томска. Как оказалось, данный порок поразил прежде всего медицинский институт [21, л. 119–120, 142–150].

В результате только в Томском государственном университете им. В.В. Куйбышева в период с 1 января 1950 г. по 1 июня 1951 г. освободили от занимаемых должностей 8 человек. В число «неугодных» вошли декан механико-математического факультета А.М. Лейкин и декан химического факультета Н.А. Угольников [22, л. 113].

«Исправление» кадровой ситуации продолжилось в 1952 г. 23 апреля 1952 г. из управления МГБ по Томской области на имя первого секретаря обкома партии В.А. Москвина поступила докладная записка. Из нее явствовало, что по-прежнему сохранялась «засоренность» кадров, а руководители «слабо вели работу по очищению вузов от политически сомнительных лиц». Из 1102 человек профессорско-преподавательского состава на 245 человек нашелся компромат. Среди них: имевших репрессированных органами МГБ родственников – 96 человек, служивших в белых армиях – 51, выходцев из социально-чуждой среды – 45, проживавших или имевших родственников за границей – 14, ссыльных – 12, имевших судимость «за антисоветскую деятельность» – 9, осужденных за уголовные преступления – 7, ранее состоявших в «антисоветских политпартиях» – 6, побывавших в плену в Германии – 5 человек.

Уже стандартными стали идеологические проступки. Заведующему кафедрой теплосиловых установок политехнического института, доктору наук, профессору, заслуженному деятелю науки и техники РСФСР И.Н. Бутакову напомнили, что еще до 1930 г. в лекциях и научных работах он «протаскивал буржуазную идеологию». Доктор филологических наук, профессор университета Л.Д. Тарасов в 1948 г. «выступил в защиту лженаучного учения Морганя». На лекциях по античной культуре «восхвалял авторитеты буржуазных ученых» [3, с. 79; 23, л. 149–164].

Следствием проводившейся политики явились не только увольнения, но и непосредственные репрессии. Д.Л. Лившиц первоначально работал старшим преподавателем кафедры истории СССР ТГУ, а затем был вынужден преподавать историю в Томском музыкальном училище. Он арестован Управлением МГБ

по Томской области 11 августа 1950 г. Преподавателя объявили «убежденным националистом» и обвинили в проведении антисоветской агитации. Он якобы клеветал на Советскую армию и ее командование, заявлял о растущем в СССР антисемитизме, поощряемом государством, выступал против марксистско-ленинского учения по национальному вопросу, являлся сторонником помощи Израилю. Д.Л. Лившиц приговорен Томским областным судом 2 декабря 1950 г. по ст. 58-10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы [24, л. 98, 99, 119–122].

Р.Е. Кугель заведовал кафедрой истории нового времени ТГУ. Работник вуза был арестован Управлением МГБ по Томской области 3 августа 1951 г. Как выяснилось, «он на протяжении 1946–1950 годов в своих лекциях и выступлениях систематически высказывал клеветнические измышления на советскую действительность, с антисоветских позиций извращал учение классиков марксизма-ленинизма, клеветал на создателя Советского государства и восхвалял врагов народа». Р.Е. Кугель осужден Томским облсудом 17 ноября 1951 г. по ст. 58-3, 58-10 УК РСФСР. Его приговорили к 10 годам ИТЛ, с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет [25, л. 118–120].

В ходе развернувшейся кампании по борьбе с космополитизмом «чистку» кадров провели в вузах Новосибирска. На протяжении нескольких лет она продолжалась в Новосибирском педагогическом институте. В итоге был «освобожден от работы в институте ряд преподавателей, не внушавших политического доверия и не обеспечивавших воспитание студентов в духе марксистско-ленинской науки». В 1949–1951 гг. из института уволены преподаватели Фрейд, Эдельман, Шейн, Степанайтис, Трайнин и другие [1, с. 184; 26, л. 120]. В 1951 г. от работы отстранили директора Новосибирского сельскохозяйственного института Г.Я. Звонковича. В качестве официальных причин фигурировали недостаточное знание агробиологической науки, ошибки в практической деятельности, не соответствующий требованиям дня идейно-теоретический уровень [27, л. 196–197].

Как и в других регионах, местные власти располагали полной информацией о научно-педагогической интеллигенции Алтайского края. Подтверждением тому служит докладная записка «О неблагополучии с профессорско-преподавательскими кадрами в высших учебных заведениях Алтайского края» Алтайского крайкома ВКП (б) в ЦК партии (от 21 февраля 1952 г.). Тревогу краевого руководства вызывали «компрометирующие биографические данные» преподавателей (судимость, пребывание в плену, нахождение в оккупации, репрессированные родственники и т.п.). Так, в Алтайском институте сельхозмашиностроения их обнаружили у 12 человек (из 42 штатных преподавателей), в Барнаульском педагогическом и учительском

институтах – у 9 научных сотрудников. Сложившееся положение объяснялось как вынужденное, обусловленное недостатком квалифицированных кадров [28, с. 138; 29, л. 18–22]. Соответственно в Постановлении ЦК ВКП (б) «О недостатках в руководстве Алтайского крайкома ВКП (б) идеологической работой» от 29 марта 1952 г. отмечалось, что бюро крайкома партии «...длительное время проходило мимо засоренности кадров лицами, не внушающими доверия, краевого комитета радиоинформации, краевого издательства и некоторых высших учебных заведений и культурно-просветительных учреждений в крае» [30, л. 9].

Во многом аналогичная ситуация с кадровым вопросом в вузах сложилась в Восточной Сибири. В ЦК ВКП (б) поступила докладная записка «О крупных недостатках в работе Красноярского государственного педагогического института», подготовленная Красноярским крайкомом ВКП (б) и датированная 9 сентября 1950 г. В документе акцентируется внимание на двух моментах, являвшихся наиболее значимыми. Это «политические ошибки» в преподавании и «засорение» профессорско-преподавательского состава лицами, «не внушающими политического доверия». Сложившееся положение стоило директору вуза Б.Ф. Райскому занимаемой должности [31, л. 355–358]. Новый директор вуза В.Ф. Голосов оказался на заметке в крайкоме партии по той же причине, что и его предшественник. Он допустил скопление в пединституте «неблагонадежных» лиц. По данным на июль 1952 г., из 107 штатных преподавателей вуза 34 человека не внушали политического доверия (имели репрессированных родственников, социально-чуждое происхождение, побывали в плену и т.п.). Имелись сведения о «подозрительных» работниках кафедр и учебной части института. Статус «особо неблагонадежного» получил профессор Л. В. Киренский, возглавлявший учебную часть института. Леонид Васильевич осмеливался выступать в защиту работников вуза и студентов, находившихся на заметке у властей [32, л. 344–347].

В самом начале преследования «космополитов» освободились от «сомнительного лица» в Абакане. С работы сняли заведующего кафедрой всеобщей истории Абаканского пединститута Д.Е. Хайтуна. В апреле 1949 г. на заседании бюро Хакасского обкома партии объявили о совершении им ошибок «космополитического характера». К ним относились отказ признать А.А. Жданова выдающимся марксистским теоретиком, несоответствие преподавания курса истории древнего мира и докторской диссертации ученого «Происхождение тотемизма» «требованиям большевистской партийности», восхваление буржуазного Запада, а также отсутствие разъяснения студентам документов партийной печати о космополитизме членами кафедры [2, с. 148].

В рассматриваемое время в Иркутске функционировали университет, горно-металлургический, финансово-экономический, педагогический, медицинский, стоматологический, сельскохозяйственный институты, институт иностранных языков. Иркутский обком ВКП (б) располагал следующими сведениями за 1950/1951 учебный год: «Значительное число научных работников не соответствует для работы со студентами по политическим и деловым качествам». К ним относились люди, служившие у Колчака, побывавшие в немецком плену, имевшие репрессированных родственников. Компрометирующие материалы имелись на 50 работников университета и 14 работников сельхозинститута, на 21 преподавателя стоматологического института. Девяти заведующим кафедрами пединститута отказали в политическом доверии. Подобная картина наблюдалась в горно-металлургическом и финансово-экономическом институтах. Многие работники вузов состояли в родственных связях. Беспokoил обком партии и «национальный момент»: «Среди преподавателей работает значительное число евреев, особенно в медицинском институте, где 12 кафедр из 35 возглавляются ими». Но в Иркутске не состоялась активная «чистка» вузовских кадров, поскольку отсутствовали кандидатуры для замены [33, л. 52, 63, 64].

События особого идеологического значения происходили в Иркутском университете, где было сфабриковано «дело А.Ф. Абрамовича», руководившего кафедрой русской и зарубежной литературы. В конце 1949 г. вдруг обнаружилось, что филолог «допустил ошибки в освещении творчества А.М. Горького». Последние были четко обозначены: отрицание социалистического реализма в дооктябрьском творчестве А.М. Горького; утверждение, что роман А.М. Горького «Мать» «не является классическим произведением социалистического реализма»; неоправданное внимание к ошибкам А.М. Горького до Октября 1917 г., и, наоборот, невнимание к дальнейшему творческому росту писателя. Все они были признаны ошибками политического и «космополитического порядка». В январе 1950 г. Иркутский обком ВКП (б) вынес «космополиту» выговор с занесением в учетную карточку. Широкая проработочная кампания в отношении А.Ф. Абрамовича развернулась в университете в январе – феврале 1950 г. Доцента настиг и еще один полновесный удар. Высшая аттестационная комиссия отменила решение об утверждении Алексея Федоровича в ученой степени доктора филологических наук, диссертацию на соискание которой он защитил в Москве в феврале 1949 г. [2, с. 146–148; 34, л. 1–12].

В период борьбы с космополитизмом отдельное внимание уделялось преподавателям идеологических дисциплин. Постановления ЦК ВКП (б) «О мерах по устранению недостатков в подборе, подготовке и переподготовке кадров преподавателей основ

марксизма-ленинизма, политической экономии и философии высших учебных заведений» от 16 июня 1949 г. и «О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях» от 6 августа 1951 г. исходили из неудовлетворительного состояния вопроса. Важное значение в документах придавалось подбору кадров, учитывая их деловые и политические качества [35, с. 190–192; 36, с. 245–249].

Постановления ЦК партии послужили руководством к действию на местах. Согласно Постановлению ЦК ВКП (б) от 16 июня 1949 г. Омский обком партии решил включить в свою номенклатуру всех преподавателей общественных наук. По данным на 15 ноября 1949 г., из подлежащего утверждению обкомом 51 человека его получили лишь 37 человек. Среди неутвержденных преподавателей оказались пять человек «политически неблагонадежных» из Омского педагогического института. Это преподаватель философии Д.Д. Орлов (административно ссыльный), преподаватель истории СССР А.К. Касьян (имел неблагонадежных родственников и исключался из партии), доцент кафедры истории СССР Н.В. Горбань (украинский националист, высланный в Омскую область и имевший ошибки в преподавании), преподаватель истории СССР Р.С. Каган (состояла в Бунде, исключалась из партии, имела партийные взыскания), преподаватель политэкономии С.Я. Зильбербард (состоял в партии анархистов, исключался из ВКП (б), имел неблагонадежного отца и родственников за границей) [37, л. 47–49]. В 1950 г. Н.В. Горбань подвергся репрессиям и вынужденно оставил работу в вузе [11, с. 187].

Заслуживает внимания ситуация, связанная с кафедрой марксизма-ленинизма Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта. 26 декабря 1951 г. бюро Томского горкома ВКП (б) рассмотрело вопрос «О работе кафедры марксизма-ленинизма ТЭМИИТа». Выяснилось, что кафедра неудовлетворительно выполняет Постановление ЦК ВКП (б) от 6 августа 1951 г., а также Постановление бюро Томского обкома партии «О мерах улучшения преподавания общественных наук в вузах» от 13 сентября 1951 г. Многие лекции и семинарские занятия преподаватели вели на низком идейно-теоретическом уровне, имелись серьезные недостатки в освещении отдельных теоретических вопросов, теоретические положения давались вне связи с современностью, проведение семинаров основывалось на вопросно-ответном методе. Кафедра отставала в теоретической и методической работе, в критике и самокритике [38, л. 226].

Под контролем находился доцент кафедры Л.А. Вишеров, зарекомендовавший себя как «не внушающий доверия». Местные власти санкционировали его отстранение от лекционной практики. В апреле

1952 г. доцент ТЭМИИТа прочитал лекцию по теме «Империализм как высшая стадия капитализма» слушателям военно-технического училища в Томске. Возмущенные обнаружившимися «идейными ошибками» два преподавателя учебного заведения обратились в областную газету «Красное знамя». Л.А. Вишерова лишили права читать лекции. Впоследствии, 3 декабря 1953 г., он был осужден Московским городским судом по ст. 58-10 (ч. 2) УК РСФСР к 10 годам ИТЛ, с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет [39, л. 2–6, 34–38].

С.Е. Топаз, бывший заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма Саратовского автомобильно-дорожного института им. В.М. Молотова, в августе 1951 г. был переведен в Новосибирск. Его назначили доцентом кафедры основ марксизма-ленинизма Новосибирского инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева. После его прибытия к новому месту работы Новосибирский обком ВКП (б) получил анонимное письмо, компрометирующее специалиста. Согласно сведениям, полученным затем из Саратовского обкома партии, С.Е. Топаз неудовлетворительно руководил кафедрой, допускал «формализм и серьезные политические ошибки в работе», за что был отстранен от занимаемой должности. Первый секретарь Новосибирского обкома ВКП (б) И.Д. Яковлев в октябре 1951 г. обратился в ЦК ВКП (б) с просьбой об отмене приказа о переводе [40, л. 349–353; 41, л. 251].

«Дело врачей» стало завершающей акцией борьбы с космополитизмом. 13 января 1953 г. «Правда» поместила сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей», несущее информацию о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В числе участников «группы» оказались профессор М.С. Вовси, врач-терапевт; профессор В.Н. Виноградов, врач-терапевт; профессор М.Б. Коган, врач-терапевт; профессор Б.Б. Коган, врач-терапевт; профессор П.И. Егоров, врач-терапевт; профессор А.И. Фельдман, врач-отоларинголог; профессор Я.Г. Этингер, врач-терапевт; профессор А.М. Гринштейн, врач-невропатолог; Г.И. Майоров, врач-терапевт. Объявленных «врачами-убийцами» заклеили и как наемных агентов иностранной разведки. Сообщение ТАСС дополнялось передовой «Правды» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», содержавшей призывы к усилению революционной бдительности и борьбе с ротозейством [42; 43].

Действия, развернувшиеся вокруг медицинских институтов Сибири, вновь поставили под удар судьбы научно-педагогических работников. Омский обком КПСС «вскрыл» значительную «засоренность» кадров в Омском мединституте. Большая часть кафедр оказалась укомплектованной лицами, не вызывающими

доверия. В вузе сознательно сдерживался процесс подготовки молодых специалистов. По сведениям на начало апреля 1953 г., ректора вуза Р.М. Ахрем-Ахремовича (доктора медицинских наук, профессора) отстранили от занимаемой должности «за допущенные безобразия в постановке научной и политической работы в институте» [44, л. 18].

Г.А. Шустеров, кандидат медицинских наук, доцент Омского мединститута, был арестован Управлением МГБ по Омской области 20 января 1953 г. Он обвинялся в проведении антисоветской агитации (восхваление порядков в царской России, клевета на советскую действительность, восхваление положения ученых в одном из зарубежных государств), хранении националистической и антисоветской литературы. Г.А. Шустеров осужден Омским облсудом 6 мая 1953 г. по ст. 58-10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы, с поражением в правах на 5 лет [45, л. 4, 87–88].

Недостатки обнаружили в деятельности Томского мединститута. Здесь на низком идейно-теоретическом уровне проводились лекции доцентов Гофштадта, Анфимова и Нагорского. В целом в институте отсутствовали должные критика и самокритика, в ряде вопросов он стоял в стороне от практики, от работы больниц и органов здравоохранения [46]. В Новосибирском мединституте, по данным на март 1953 г., проходила аттестация научных и преподавательских кадров. В связи с этим Новосибирский обком КПСС запросил в Управлении МВД по Новосибирской области информацию о заведующих кафедрами (Колен, Геницинский, Фридман, Розенблюм, Кушелевский, Хургин, Шамовская) [47, л. 272].

Проведенная проверка показала «засоренность» Красноярского мединститута «неблагонадежными элементами». В вузе выявили более 30 человек, трудившихся на ведущих кафедрах института, на которых имелись материалы компрометирующего плана [48, л. 115, 116]. Отдельные недостатки зафиксировали в Иркутском мединституте. В учебный процесс преподаватели слабо внедряли павловское учение, не всегда прослеживалась связь теории и практики, некоторые студенты слабо знали теорию русской и советской медицины, многие будущие врачи не могли «связать учение классиков марксизма-ленинизма с практической деятельностью врача» [49, л. 15].

14 марта 1953 г. Управление МГБ по Кемеровской области арестовало работников Сталинского государственного института для усовершенствования врачей. М.В. Могилев, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии, А.Р. Розенберг, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии, И.И. Карцовник, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой нервных болезней, рассматривались как участники «еврейской буржуазно-национали-

стической группы», вершившей контрреволюционную деятельность. По утверждению следствия, врачи распространяли клевету о национальной политике в СССР и считали, что в стране проводится политика недоверия по отношению к евреям. А.Р. Розенбергу и И.И. Карцовнику приписывались «космополитические взгляды». В лекциях и докладах преподаватели допускали ошибки идеологического порядка (приверженность буржуазной идеологии, искажение марксистско-ленинской материалистической теории, извращение павловского физиологического учения, принижение достоинства и приоритета русских ученых). Профессора строили работу в институте исходя из национальной принадлежности коллег. Учебный процесс на возглавляемых ими кафедрах был организован неудовлетворительно. И.И. Карцовник и М.В. Могилев безответственно относились к лечению больных. Арестованных предполагалось осудить по ст. 58-10 (ч. 2) и 58-11 УК РСФСР, но достаточных доказательств их виновности собрать не удалось. Уголовное дело было прекращено 30 апреля 1953 г. [50, л. 1, 4–6; 51, л. 2, 5, 16].

В период «дела врачей» особое значение по-прежнему придавалось идейному содержанию деятельности всей научно-педагогической интеллигенции. Обнаруженные «несоответствующие» факты обязательно фиксировались. Например, было установлено, что в лекциях профессора Орловского, заведующего кафедрой почвоведения и агрохимии Алтайского сельхозинститута, «проявляются элементы буржуазного объективизма, имеет место преклонение перед иностранщиной, замалчиваются заслуги русской агробиологической науки, принижаются достижения мичуринской биологии» [52, л. 139]. Бюро Новосибирского горкома КПСС 11 марта 1953 г. отстранило от занимаемой должности заведующего кафедрой истории КПСС вечернего университета марксизма-ленинизма М.И. Рейхруда «за грубые извращения марксистско-ленинской теории» и объявило ему выговор с занесением в учетную карточку [53, л. 61–62, 63–70]. В феврале 1953 г. при обсуждении в Иркутском университете докторской диссертации М.А. Гудошниковой «История как предмет преподавания в средней школе» последовала рекомендация по доработке текста. По мнению оппонентов, исследователь проявил «неряшливость по отношению к марксистско-ленинской теории». Его упрекали «в преклонении перед русской буржуазной наукой», в либерализме по отношению к западным авторам [12, с. 124–132].

Политика, проводившаяся в отношении научно-педагогических работников, претерпела изменения после смерти И.В. Сталина в марте и реабилитации «врачей-вредителей» в апреле 1953 г.

Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири стало составляющей кампании

по борьбе с космополитизмом в СССР. Проведенный анализ позволил выявить четыре основные формы проходившего процесса: контроль за составом кадров, контроль за идейным содержанием научной и педагогической деятельности, «чистка» кадров, репрессии. Преподаватели вузов находились под постоянным контролем центральных и местных властей, поскольку являлись потенциальными носителями свободомыслия даже в условиях сталинского режима. Учитывалось их положение в обществе и степень воздействия на мировоззрение студентов. Борьба с космополитизмом обусловила национальную принадлежность

многих «подконтрольных». Особое внимание закономерно вызывали преподаватели идеологических дисциплин. Следует отметить, что в рассматриваемое время на первый план вышел не репрессивный, а идеологический фон, что характерно в целом для борьбы с космополитизмом. В качестве фактора, сдерживавшего кадровую «чистку» в вузах Сибири, выступал явный недостаток квалифицированных специалистов. Это обстоятельство в первую очередь заставляло региональные органы власти мириться с присутствием в вузах «идейно и политически неблагонадежных», ограничиваясь функцией контроля.

Библиографический список

1. Сизов, С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири) : в 2 ч. / С.Г. Сизов. – Омск, 2001. – Ч. 1.
2. Казарин, В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.) / В.Н. Казарин. – Иркутск, 1998.
3. Галкина, Т.В. Отражение внутривластной ситуации в СССР в томских вузах во второй половине 1940-х гг. / Т.В. Галкина // История и культура Томской области : сб. ст. / под ред. Я.А. Яковлева, Л.И. Овчинниковой. – Томск, 1998.
4. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 1999.
5. Томская область : исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. – Томск, 1994.
6. Безруков, Г.Н. История политических репрессий в Алтайском крае (1919–1965 гг.) / Г.Н. Безруков // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965 / отв. ред. Г.Н. Безруков. – Барнаул, 2005.
7. Демина, С.М. «Дело врачей»: региональный уровень / С.М. Демина // История Алтайского края. XVIII–XX вв. : науч. и документ. материалы / отв. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул, 2005.
8. Генина, Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) / Е.С. Генина. – Красноярск, 2003.
9. Генина, Е.С. Новая страница кузбасского «дела врачей» / Е.С. Генина // Актуальные проблемы отечественной истории XX века: сб. научных тр. / отв. ред. К.А. Заболотская. – Кемерово, 2005.
10. Кефнер, Н.В. Сибирские историки в фокусе идеологических кампаний первого послевоенного десятилетия / Н.В. Кефнер // Мир историка : историографический сборник / под ред. Г.К. Садретдинова, В.П. Корзун. – Омск, 2006. – Вып. 2.
11. Рошевская, Л.Н. Сибирский историк Н.В. Горбань: судьба и труды / Л.Н. Рошевская // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.). : в 2 т. / гл. ред. Н.А. Томилов. – Омск, 1995. – Т. 2.
12. Колеватов, Д.М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского 1940-х гг.) / Д.М. Колеватов // Мир историка : историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. – Омск, 2005. – Вып. 1.
13. Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. – 1949. – 28 янв.
14. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. П-497. – Оп. 1. – Д. 17.
15. Неустанно пропагандировать идеи животворного советского патриотизма : партийное собрание историко-филологического факультета Иркутского университета // Восточно-Сибирская правда. – 1949. – 8 марта.
16. На партийном собрании в государственном университете // Красное знамя. – 1949. – 26 марта.
17. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННОО). – Ф. 590. – Оп. 1. – Д. 150.
18. Беляков, Л.П. «Красноярское дело» / Л.П. Беляков // Репрессированные геологи / гл. ред. В.П. Орлов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. ; СПб., 1999.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 116. – Д. 483.
20. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 118. – Д. 716.
21. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). – Ф. 607. – Оп. 1. Д. – 1154.
22. ЦДНИТО. – Ф. 607. – Оп. 1. – Д. 1335.
23. ЦДНИТО. – Ф. 607. – Оп. 1. – Д. 1698.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-8131. – Оп. 31. – Д. 38039.
25. ЦДНИТО. – Ф. 607. – Оп. 1. – Д. 949.
26. ГАО. – Ф. П-4. – Оп. 15. – Д. 459.
27. ГАО. – Ф. П-4. – Оп. 15. – Д. 5.
28. Из докладной записки крайкома ВКП (б) в ЦК ВКП (б) о засоренности кадров в высших учебных заведениях // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае / отв. ред. Г.Н. Безруков. – Барнаул, 2004. – Т. VI.
29. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. П-1. – Оп. 90. – Д. 98.
30. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 116. – Д. 656.
31. Архивное агентство администрации Красноярского края. – Ф. П-26. – Оп. 22. – Д. 1.
32. Архивное агентство администрации Красноярского края. – Ф. П-26. – Оп. 24. – Д. 11.
33. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). – Ф. 127. – Оп. 30. – Д. 344а.
34. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 30. – Д. 503.
35. О мерах по устранению недостатков в подборе, подготовке и переподготовке кадров преподавателей основ марксизма-ленинизма, политической экономии и философии

высших учебных заведений (извлечение) : Постановление ЦК ВКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1985. – Т. 8.

36. О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях (извлечение) : Постановление ЦК ВКП (б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. – Т. 8.

37. ЦДНИОО. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 5407.

38. ЦДНИТО. – Ф. 607. – Оп. 1. – Д. 1907.

39. ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 31. – Д. 40715.

40. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 15. – Д. 6.

41. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 34. – Д. 384.

42. Арест группы врачей-вредителей // Правда. – 1953. – 13 янв.

43. Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. – 1953. – 13 янв.

44. ЦДНИОО. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 6553.

45. ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 31. – Д. 37541.

46. Собрание научных работников высших учебных заведений гор. Томска // Красное знамя. – 1953. – 18 февр.

47. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 17. – Д. 8.

48. Архивное агентство администрации Красноярского края. – Ф. П-26. – Оп. 25. – Д. 1.

49. ГАНИИО. – Ф. 127. – Оп. 45. – Д. 111.

50. ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 31. – Д. 37330.

51. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). – Ф. П-75. – Оп. 7. – Д. 252.

52. Из информации крайкома КПСС в ЦК КПСС об откликах на сообщение ТАСС об аресте врачей-вредителей // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае / отв. ред. Г.Н. Безруков. – Барнаул, 2004. – Т. VI.

53. ГАНО. – Ф. П-4. – Оп. 17. – Д. 10.